

- ¹⁸ Левин И. Ирак: (Современная Месопотамия). М., 1937.
- ¹⁹ Mosley L. Power play: The Tumultuous world of Middle East Oil 1890—1973. L., 1973.
- ²⁰ Размеров В. В. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии. М., 1958.
- ²¹ Venn F. Oil diplomacy in the twentieth century. L., 1986.
- ²² Брукс М. Нефть и внешняя политика. М., 1949.
- ²³ Демьяненко А. П. Из истории политики Германии на Ближнем Востоке накануне второй мировой войны // Народы Азии и Африки. 1973. № 2.
- ²⁴ Нефть Ближнего Востока // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 5.
- ²⁵ The Great Britain and East. 1936. Aug. 13.
- ²⁶ The oil and petroleum manual. L., 1942.

В. А. КУЗЬМИН
Уральский университет

Вопросы истории Саадабадского пакта в советской историографии

Подписанный 8 июля 1937 г. в Саадабадском дворце иранского шаха в Тегеране договор, завершивший процесс образования региональной политической группировки в составе Турции, Ирака, Ирана и Афганистана, получил в научной литературе название Саадабадского пакта. Участники пакта обязались проводить политику невмешательства во внутренние дела друг друга; уважать неприкосновенность их общих границ; взаимно отказаться от актов агрессии, причем понятие агрессии было сформулировано в соответствии с Лондонскими конвенциями об определении агрессии, заключенными в 1933 г. по инициативе СССР. Члены Саадабадского пакта согласились проводить консультации в случае возникновения международного конфликта, затрагивающего их общие интересы; не допускать создания и деятельности на своей территории организаций, вооруженных отрядов или формирований, преследующих враждебные одной из сторон цели. Пакт был заключен на 5 лет с продлением на такие же периоды в отсутствие денонсации одним из участников. Одновременно с пактом был подписан протокол о создании постоянного органа — Совета Ближневосточной Антанты — в составе министров иностранных дел четырех государств.

Сам факт образования на Ближнем и Среднем Востоке политического блока государств в то время, когда мир медленно, но неуклонно втягивался во вторую мировую войну, представляет для историка значительный интерес. В настоящей статье

ставится задача представить в суммарном виде оценки и характеристики Саадабадского пакта, имеющиеся в советской периодической печати и научной литературе, показать степень изученности и освещенности истории Саабадского пакта в советской историографии путем сравнительного анализа работ советских авторов, касавшихся в той или иной мере этой темы.

Первые работы, авторы которых отмечали факт образования Ближневосточной Антанты или обращали внимание на процесс ее формирования, появились в советской литературе в предвоенные и военные годы. Среди них следует отметить статьи Д. Завриева и О. Петрова, опубликованные в партийной печати [1; 2], работы И. Левина [3], В. Луцкого [4] и некоторых других исследователей. В частности, Д. Завриев обратил внимание на роль Англии в процессе формирования Ближневосточного пакта, указав, что английская дипломатия стремилась «помочь заключению такого азиатского пакта, который служил бы осуществлению британских колониальных целей», и планировала «построить союз, который закроет прорыв в британской системе мандатов и союзов, которая распространяется от Триполи до границ Индии» [1].

За несколько дней до подписания Саадабадского пакта международный обозреватель газеты «Правда» О. Петров писал: «Возникновение Ближневосточной Антанты в 1937 г. ...будущий историк, несомненно, объяснит тем отсутствием безопасности и наличием угрозы войны, которые характерны для международного положения последних лет. Эти причины побуждают малые страны к сближению, к созданию местных блоков в целях гарантии безопасности». Вместе с тем он подчеркивал, что безопасность участников Ближневосточного пакта «может быть обеспечена по-настоящему только на основе коллективной безопасности» [2]. В. Луцкий отметил, что «Саадабадский пакт ...в определенных условиях мог быть использован как инструмент борьбы с фашистской агрессией» [4. С. 61]. Работы указанных авторов были написаны по горячим следам событий, но на них, естественно, не могла не сказаться ограниченность источниковой базы по данной проблематике, существовавшая в то время.

В послевоенной и в современной советской исторической литературе имеется немало публикаций, в которых отмечается факт образования Саадабадского пакта и в ряде случаев приводится краткая история его создания. Среди них труды историков-востоковедов, историков-международников, справочные издания [5. С. 102; 6. С. 208; 7. Т. 3. С. 5—6; и др.]. Однако большинство исследователей, касавшихся этого вопроса, ограничивалось, как правило, только констатацией самого факта подписания пакта при характеристике основных направлений внешней политики его участников накануне второй мировой войны. При этом многие авторы, в значительной мере повто-

ря друг друга и не опираясь в своей аргументации на соответствующие документальные источники, всего лишь воспроизводят в той или иной форме характеристики и оценки Саадабадского пакта, содержащиеся в посвященных ему кратких статьях «Дипломатического словаря», в которых говорится, что заключению Саадабадского пакта содействовала английская дипломатия, стремившаяся укрепить влияние Англии на Ближнем и Среднем Востоке и использовать эту новую группировку в интересах британской политики [См.: 8. С. 569—570; 9. С. 109—110; 10. С. 103; 7. Т. 3. С. 5—6].

Ряд авторов, конкретизируя этот тезис, указывают, что Саадабадский пакт «должен был сыграть существенную роль» в проводившейся империалистическими державами, прежде всего Англией, «политике окружения и изоляции Советского Союза» и в этом смысле призван был стать «продолжением Балканской Антанты», «отдалить от СССР три пограничные с ним страны и приблизить их к Англии», которая «стремилась превратить Саадабадский пакт в орудие британской политики на Ближнем и Среднем Востоке, а Турцию — активного участника этой группировки — в проводника английского влияния в этом районе» [11. С. 332; 12. С. 35—36; 13. С. 125—126; 14. С. 6; 15. С. 159—161; 16. С. 344]. В некоторых коллективных работах отмечается, что британская дипломатия, содействуя заключению Саадабадского пакта, «рассматривала его как возможную антисоветскую коалицию», «стремилась подорвать значение двусторонних договоров СССР с Турцией, Ираном и Афганистаном», [17. С. 142; 18. С. 191; 19. С. 143].

Степень участия английской дипломатии в подготовке Саадабадского пакта в работах советских авторов определяется по-разному. Одни говорят о ее «активном участии» в подготовке пакта, другие — только о «содействии» Англии в его организации, третьи — лишь об «английском влиянии», четвертые — об «одобрении» британской дипломатией планов создания ближневосточной группировки, наконец, пятые пишут, что Англии принадлежала «решающая роль», но ее дипломатия в этом вопросе «предпочитала действовать из-за кулис» [См.: 20. С. 36; 15. С. 160; 21. С. 436; 22. С. 12; 23. С. 244; 24. С. 471; 17. С. 142; 19. С. 143]. Наряду с этим в научной литературе встречаются и совершенно ошибочные утверждения, что Саадабадский пакт был «сколочен гитлеровской Германией» [25. С. 38].

В определении целей и характера Саадабадского пакта среди советских исследователей тоже существуют различия. Известный советский историк профессор А. Ф. Миллер, в частности, писал, что «сам по себе он (Саадабадский пакт.— В. К.) не содержал постановлений, направленных против интересов мира», однако Турция, «игравшая в Ближневосточной Антанте руководящую роль», выступала в качестве «проводника английского влияния на Ближнем Востоке» [26. С. 184].

А. Ф. Федченко отмечает, что английская дипломатия намеревалась использовать Саадабадский пакт не только против Советского Союза, но и против держав «оси Берлин — Рим». Однако, пишет он, «Саадабадский пакт не стал эффективным орудием укрепления английского влияния на Ближнем и Среднем Востоке». Кроме того, «для Ирака,— указывает автор,— участие в Саадабадском пакте имело весьма отрицательные последствия. Подписание им «неарабского пакта» вызвало оппозицию со стороны других арабских стран, усилило недовольство политикой правительства Хикмета Сулеймана внутри страны. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что против Саадабадского пакта решительно выступали организации фашистского типа, а также лица, симпатизирующие Германии и Италии, и агенты держав «оси»... При этом пропаганда против пакта велась ими под лозунгом защиты арабского единства, арабского национализма с одновременной популяризацией фашистских доктрин» [27. С. 70—71].

Оценивая международное значение Саадабадского пакта, авторы коллективного труда по истории Ирана, отражая мнение многих других историков, пишут, что «Саадабадский пакт, способствуя временному укреплению связей между участниками четырехстороннего соглашения, в сложной и напряженной международной обстановке конца 30-х годов не играл сколько-нибудь серьезной роли в силу все более усугублявшегося различия внешнеполитических позиций стран — его членов» [17. С. 143; См. также: 28. С. 698].

Некоторые историки характеризуют Саадабадский пакт как «союз», даже как «военно-политический союз», как проимпериалистическую «военно-политическую замкнутую группировку», определяют пакт как «агрессивный» [См.: 13. С. 126; 28. С. 698; 17. С. 142; 29. С. 155; 30. С. 106]. Подобные оценки применительно ко времени подписания пакта представляются нам преувеличенными, спорными или, по крайней мере, неточными. По-видимому, правильнее было бы говорить о существовавшей возможности превращения Саадабадского пакта в такой «союз» при соответствующих внутренних и международных условиях. Общим недостатком всех вышеприведенных точек зрения советских историков на Саадабадский пакт является отсутствие документальной или иной источниковой базы, призванной составлять основу их оценок и выводов, что делает последние недостаточно убедительными.

Первой попыткой специального исследования Саадабадского пакта в советской историографии можно считать сообщение И. С. Кашкина [31. С. 75—81]. Отмечая инициативную роль Ирана и «ведущее место» Турции в организации и деятельности Ближневосточной Антанты, И. С. Кашкин вместе с тем подчеркивает, что именно «английский империализм стремился расширить систему своих военных и политических союзов на Ближ-

нем Востоке, создать блок ближневосточных государств» [31. С. 75]. Однако небольшая по объему, выполненная на основе второстепенных источников работа И. С. Кашкина хотя и внесла некоторый вклад в разработку истории Саадабадского пакта, но, естественно, не смогла дать полного решения исследуемой проблемы и тем более удовлетворить интерес ученых-историков к этой теме.

Наиболее подробно история Саадабадского пакта освещена в работах П. К. Тарасова [32. С. 47—68] и С. Л. Агаева [33. С. 286—304]. В частности, П. К. Тарасов пришел к заключению, что «в англо-французской системе блоков и соглашений Саадабадский пакт играл на деле ту же самую роль, что Малая и Балканская Антанты. Созданный для укрепления английских позиций на Ближнем и Среднем Востоке, предназначенный стать проводником английского влияния в этом районе мира, Саадабадский пакт был направлен не только против национально-освободительного движения народов ближневосточных стран, но и против Советского Союза» [32. С. 67]. Следует отметить, что болгарский историк Л. Живкова в своей книге по истории англо-турецких отношений, касаясь вопроса о Саадабадском пакте, опирается главным образом на материалы и выводы, содержащиеся в статье П. К. Тарасова [34. С. 78—79]¹.

Несогласие с некоторыми выводами П. К. Тарасова выражает С. Л. Агаев, который считает, что в статье П. К. Тарасова «без достаточных оснований утверждается, что Англия была инициатором создания пакта, являвшегося (как полагает П. К. Тарасов.—В.К.) «составной частью системы империалистических союзов кануна второй мировой войны»» [33. С. 293]. По мнению С. Л. Агаева, «в разное время или даже одновременно и Турция, и Иран выступали с инициативой создания пакта, хотя доминирующая роль турецкой дипломатии в создании региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке не подлежит сомнению. Определенное влияние на создание пакта оказала и Англия, предпочитавшая действовать из-за кулис» [33. С. 297].

«Вряд ли правомерно,—пишет С. Л. Агаев,—как это допускается в зарубежной и отчасти в советской историографии, связывать организацию региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке, в частности усилия турецкой дипломатии в этом направлении, только с политикой английского империализма и экспансией Италии в Восточном Средиземноморье, в том числе с ее нападением на Эфиопию в октябре 1935 г. [См.

¹ Вместе с тем, ссылаясь на документы из Британского государственного архива, Л. Живкова писала: «В самой Турции превосходно понимали как антисоветскую направленность пакта, так и роль, отведенную ей Англией. В то же время турецкое правительство правильно оценивало значение Ближневосточной Антанты для английской политики и английских интересов на Ближнем Востоке» [34. С. 79].

например: 8. С. 569; 31. С. 77; 32. С. 53; 15. С. 159; 17. С. 142—143]. Вопрос о создании региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке ставился еще в 1928 г. афганскими руководителями... Необходимо учитывать и то, что, если турки «могли быть движимы страхом перед итальянской экспансией в Средиземноморье под руководством Муссолини, другие средневосточные государства не имели непосредственных оснований для беспокойства с этой стороны» [33. С. 293—294]. Тем не менее С. Л. Агаев признает, что «итальянская агрессия в Эфиопии, несомненно, ускорила создание региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке» [33. С. 295].

С. Л. Агаев высказывает мнение, что «заинтересованность Турции, так же как Ирана и других участников пакта, в создании региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке в первую очередь (выделено мной.—В.К.) была связана с их общим стремлением упрочить свое положение на мировой арене и обезопасить свои границы в чреватой военным конфликтом международной обстановке того времени»². Вместе с тем, пишет далее С. Л. Агаев, «Саадабадский пакт отражал те принципы взаимоотношений четырех государств, которые к тому времени уже были зафиксированы в более чем десяти договорах и протоколах, заключенных между ними в 1921—1937 гг.» [33. С. 294].

Первым из советских историков С. Л. Агаев обратил внимание на тот факт, что «первоначально турецкие правящие круги ставили вопрос о привлечении к проектируемому пакту кроме Турции, Ирана, Ирака и Афганистана еще СССР и Великобритании». Английская дипломатия, указывает он, «не возражая против самой идеи пакта, предприняла тактику... «вежливого расхолаживания» турецкого правительства в отношении привлечения к пакту СССР и Великобритании... После визита Реза-шаха в Анкару летом 1934 г. турецкие руководители сняли вопрос о привлечении к пакту СССР и Великобритании» [33. С. 298]³.

Вслед за П. К. Тарасовым С. Л. Агаев отмечает, что «роль Англии в создании Ближневосточной Антанты стала более активной после заключения между нею и Турцией в декабре 1935 г. «джентльменского» соглашения о взаимной помощи на Средиземном море в случае итальянской агрессии» [32. С. 52—53; 33. С. 298]. Это соглашение способствовало англо-турецкому сближению, которое особенно усилилось после конференции в

² Эту же мысль почти дословно повторяют авторы коллективной работы по истории Ирана, которые пишут: «Страны, готовившие региональный пакт, имели общее стремление упрочить свое положение на мировой арене и обезопасить свои границы в чреватой военными конфликтами международной обстановке, в условиях падения престижа Лиги Наций» [17. С. 142].

³ Впоследствии этот же факт из истории переговоров о Саадабадском пакте отметил в своей книге В. Я. Сиполс [См.: 35. С. 201—202].

Монтре в 1936 г. «С этого времени,— пишет С. Л. Агаев,— английская дипломатия стремится упрочить отношения Турции с зависимыми от Великобритании или связанными с нею тесными договорными узами государствами Ближнего Востока и Северной Африки» [33. С. 298].

С. Л. Агаев считает, что «через Ирак, пожалуй, в наибольшей степени Англия оказала влияние на заключение Саадабадского пакта». Причем, «добиваясь осуществления издавна вынашиваемого британской дипломатией плана сближения Ирака с Турцией, Ираном и Афганистаном, Англия одновременно стремилась пристегнуть к новому пакту через Ирак другие арабские государства». В этой связи автор отмечает заключенные в 1936—1937 гг. договоры Ирака с Саудовской Аравией и Йеменом, которые английская дипломатия рассматривала как «дополнения к Саадабадскому пакту», а также последующие попытки привлечь в члены пакта Египет [33. С. 299].

Заслуживает внимания следующее положение из работы С. Л. Агаева: «Влияние империализма на заключение Саадабадского пакта отнюдь не умаляет значения тех интеграционных тенденций, которые лежали в основе сближения между странами Ближнего и Среднего Востока (тем более что начало этого сближения относится к 20-м годам и в определенных территориальных пределах происходило при дружественном посредничестве СССР), хотя Англия и стремилась использовать эти тенденции в своих интересах» [33. С. 300]. В этой же связи он пишет, что «совершенно справедливым» является замечание И. Левина, высказанное последним еще в 1937 г., которое «можно применить к характеристике сближения государств-участников Саадабадского пакта»: «Английский империализм неоднократно использовал всеарабское национальное движение в своих интересах. Однако было бы глубоко ошибочно рассматривать это движение как продукт империалистических махинаций. В действительности английский империализм отнюдь не заинтересован в тесном сближении арабских стран между собой, ибо такое сближение может обернуться против его основных интересов в арабских странах. Англия поддерживает арабское объединительное движение в том его виде, которое кажется ей наиболее выгодным» [3. С. 130].

«Все вышесказанное,— заключает С. Л. Агаев,— подразумевает, не означает ни то, что Англия не стремилась использовать Саадабадский пакт в своей политике изоляции СССР и направления германской агрессии на Восток, ни то, что при благоприятных условиях она не посягнула бы на территориальную целостность государств — участников этого пакта. Британское влияние на заключение Саадабадского пакта (в той мере, в какой оно действительно имело место) проявилось в основном через Ирак и Турцию. Главные точки соприкосновения внешнеполитических платформ Ирана и этих стран лежали в антисоветских

тенденциях политики их правящих кругов... Сказались и проводимая Англией политика умиротворения фашистского агрессора, и лавирование правящих кругов Турции между англо-французской и германо-итальянской группировками» [33. С. 301—302].

Точка зрения С. Л. Агаева на процесс формирования Саадабадского пакта представляется нам наиболее взвешенной, однако в целом следует сказать, что ряд положений и выводов в работах И. С. Кашкина, П. К. Тарасова и С. Л. Агаева, изучавших историю Саадабадского пакта по доступным им источникам, противоречит друг другу и нуждается в дополнительном подтверждении аргументами, перепроверке или уточнении с учетом новых архивных и опубликованных документов и других источников, введенных в научный оборот в последующий период [См.: 36. С. 19—29; 37. С. 5—24; 38. С. 48—66; и др.].

В имеющейся научной литературе по истории Саадабадского пакта наименее освещенным является период после его подписания. Одни авторы утверждают, что Саадабадский пакт «не оставил сколько-нибудь значительных следов в истории международных отношений», а начавшаяся вторая мировая война «практически привела к распаду ближневосточного блока четырех государств» [31. С. 81; 28. С. 698], другие считают, что пакт «начинает разваливаться» еще накануне второй мировой войны [32. С. 65], и к ее началу превратился в «простой клочок бумаги» [27. С. 70], третьи пишут, что он «оказался фактически мертворожденным» [33. С. 302].

Единственным исключением в этом смысле является статья В. А. Бабинцева, предпринявшего попытку выяснить причины активизации Саадабадского пакта в начале второй мировой войны [39. С. 115—129]. В его работе показано, что в период «странной войны» пакт приобрел большое значение в антисоветских планах англо-французской группировки и самой реакционной части правящих классов государств — участников Саадабадского пакта, поставивших своей целью создание «мусульманского фронта против большевизма», объединяющего страны Ближнего и Среднего Востока «от Каира до Кабула».

Попытка правительства Ирака получить поддержку со стороны своих партнеров по Саадабадскому пакту во время англо-иракского вооруженного конфликта весной 1941 г. освещается в статье В. Н. Грак [40. С. 127—129].

В заключение следует сказать, что в современных условиях глубокое и всестороннее изучение истории Саадабадского пакта представляет не только большой научный интерес, но и имеет актуальное политическое значение, поскольку корни многих событий и процессов, происходящих на Ближнем и Среднем Востоке в настоящее время (ирано-иракская война, международные аспекты урегулирования афганской проблемы и др.), были заложены еще в межвоенный период. Кроме того, определенные круги

за рубежом продолжают предпринимать соответствующие усилия с целью создания взамен развалившихся новых проимпериалистических блоков и группировок, охватывающих некоторые страны Ближнего и Среднего Востока. В частности, «в настоящее время идеологи панисламизма выступают за создание блоков мусульманских государств, которые должны противостоять развивающимся в Азии и Африке демократическим и социалистическим движениям» [7. Т. 2. С. 338]. В этой же связи газета «Правда» в редакционной статье обращала внимание на «попытки пакистанской дипломатии тайно вовлечь Турцию и Саудовскую Аравию в некий новый средневосточный «альянс де-факто», к которому она рассчитывает также пристегнуть и усиленно подталкиваемый в том же направлении Иран... Спекулятивный характер используемых при этом лозунгов «исламской общности» очевиден» [41. 1984. 29 июня].

На актуальность изучения вопросов истории Саадабадского пакта указывают и решения состоявшегося в июне 1985 г. очередного совещания коммунистических и рабочих партий арабских стран, которое, характеризуя политику международного империализма на Ближнем Востоке, подчеркивало, что эта политика находит проявление в «планах создания военного плацдарма против Советского Союза и освободительного движения в странах Азии и Африки... в сколачивании проимпериалистических региональных блоков и осей» [41. 1985. 21 июня].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Завриев Д.* «Азиатское Локарно» // *Заря Востока*. 1935. 3 янв.
- ² *Петров О.* Ближневосточный пакт // *Правда*. 1937. 6 июля.
- ³ *Левин И.* Ирак. М., 1937.
- ⁴ *Луцкий В.* Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке. Ташкент, 1943.
- ⁵ *Теплинский Л. Б.* СССР и Афганистан, 1919—1981. М., 1982.
- ⁶ *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983.
- ⁷ *Дипломатический словарь*. М., 1984—1986. Т. 1—3.
- ⁸ *Дипломатический словарь*. М., 1950. Т. 2.
- ⁹ *Дипломатический словарь*. М., 1964. Т. 3.
- ¹⁰ *Дипломатический словарь*. М., 1973. Т. 3.
- ¹¹ *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. М., 1952.
- ¹² *Алексеев В. М., Керимов М. А.* Внешняя политика Турции. М., 1961.
- ¹³ *Мирский Г. И.* Ирак в смутное время, 1930—1941 гг. М., 1961.
- ¹⁴ *Бекиев Б.* Политика Англии и Франции в Турции накануне второй мировой войны // *Известия АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук*. Ашхабад, 1966. № 4.
- ¹⁵ *Новейшая история Турции*. М., 1968.
- ¹⁶ *История Ирана*. М., 1977.
- ¹⁷ *Иран: очерки новейшей истории*. М., 1976.
- ¹⁸ *Дипломатия развивающихся государств*. М., 1976.
- ¹⁹ *СССР и Турция, 1917—1979*. М., 1981.
- ²⁰ *Шамсутдинов А. М.* Турецкая Республика: Краткий очерк истории, 1923—1961. М., 1962.

- ²¹ Советская Историческая Энциклопедия. М., 1969. Т. 12.
- ²² Бехбудов М. Д. Место Турции во внешней политике Англии в 1939—1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1971.
- ²³ Турецкая Республика: Справочник. М., 1975.
- ²⁴ Большая Советская Энциклопедия. М., 1975. Т. 22.
- ²⁵ Валиева Д. В. Советско-иранские культурные связи, 1921—1960. Ташкент, 1965.
- ²⁶ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948.
- ²⁷ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, 1917—1969. М., 1970.
- ²⁸ История дипломатии. М., 1965. Т. 3.
- ²⁹ Современный Иран: Справочник. М., 1975.
- ³⁰ Макеев Д. А. Внешнеторговые связи СССР со странами Арабского Востока в 1922—1939 гг. М., 1983.
- ³¹ Кашкин И. С. Турция и организация Ближневосточной Антанты накануне второй мировой войны, 1935—1937 гг. // Материалы научной сессии / Поволжский совет по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам. Секция истории СССР и всеобщей истории. Саратов, 1964.
- ³² Тарасов П. К. Саадабадский пакт // Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968.
- ³³ Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925—1941 гг. М., 1971.
- ³⁴ Живкова Л. Англо-турецкие отношения, 1933—1939 гг. М., 1975.
- ³⁵ Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935 гг. М., 1980.
- ³⁶ Кузьмин В. А. Роль английской дипломатии в подготовке Саадабадского пакта, 1933—1935 // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982.
- ³⁷ Кузьмин В. А. Переговоры о присоединении Афганистана и Саудовской Аравии к Ближневосточному пакту в конце 1935 г. и позиция английской дипломатии // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1986.
- ³⁸ Кузьмин В. А. Переговоры о Ближневосточном пакте в первой половине 1936 г. и позиция английской дипломатии // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1987.
- ³⁹ Бабинцев В. А. Саадабадский пакт в период «странной войны», октябрь 1939 — март 1940 // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1933—1943. Свердловск, 1977.
- ⁴⁰ Грак В. Н. Франко-германское сотрудничество на Ближнем Востоке в период англо-иракского вооруженного конфликта // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973.
- ⁴¹ Правда.

Е. А. ФЕФИЛАТЬЕВА
Петрозаводский университет

Борьба Компартии Великобритании против внешней политики «национального» правительства накануне второй мировой войны (1935-1939)

В современных условиях роль внешнеполитических проблем в жизни народов неизмеримо возросла. От активности демократических сил в защите мира зависят судьбы всего земного шара.